

Аудиальная
демократия:
включение
неслышимых субъектов
в политическое
сообщество

Татьяна Вайзер

Кандидат философских наук, доцент
философско-социологического факультета
Института общественных наук РАНХиГС, пре-
подаватель социологического факультета
и руководитель магистерской программы «По-
литическая философия и социальная теория»
МВШСЭН.

Адрес: 119571, Москва, проспект Вернадского,
82.

E-mail: tianavaizer@yandex.ru.

Ключевые слова: публичная коммуникация;
слуховое внимание; политический слух;
аудиальная демократия.

Аудиальная демократия — концепт западной политической философии последних лет, еще не успевший обрести известность в России. Он предполагает смещение внимания с субъекта публичной речи на нашу способность друг друга слушать и слышать. Слух понимается здесь не как физиологическая сенсорная способность человеческого организма, а как активная политическая практика и добродетель (*virtue*). От того, насколько мы расположены слушать оппонента, зависит мера, в которой мы признаем его в качестве равноценного и равноправного субъекта взаимодействия. Наша неготовность услышать Другого в теориях аудиальной демократии

Аудиальная демократия — концепт западной политической философии последних лет, еще не успевший обрести известность в России. Он предполагает смещение внимания с субъекта публичной речи на нашу способность друг друга слушать и слышать. Слух понимается здесь не как физиологическая сенсорная способность человеческого организма, а как активная политическая практика и добродетель (*virtue*). От того, насколько мы расположены слушать оппонента, зависит, насколько мы признаём его в качестве равноценного и равноправного субъекта взаимодействия. Наша неготовность услышать Другого рассматривается в теориях аудиальной демократии как один из действенных механизмов исключения собеседника из дискурса и поддержания социальной и политической несправедливости.

Как утверждает Джон Драйзек, «наиболее эффективный и коварный способ

заставить молчать всех остальных в политике состоит в том, чтобы перестать их слушать». Напротив, слуховое внимание свидетельствует о признании и уважении оппонента, независимо от наших идейных разногласий, и мотивирует его на высказывание. В предваряемой статье подборке представлены тексты британских исследователей, которые работают с концептом аудиальной демократии либо каким-то образом перекликаются с ним. Авторы показывают, что слух как ценность политической жизни и коммуникативный навык сегодня обделен исследовательским и политическим вниманием. Вместе с тем развитие слуховых практик могло бы помочь современному обществу быть более инклюзивным и лучше артикулировать различия. Один из основных вопросов данного обзора — каким образом настрой на слух мог бы стать принципом формирования нового политического сообщества.

рассматривается как одно из действенных средств исключения и поддержания общественно-политической несправедливости. Ведь, как утверждает Джон Драйзек, «в политике наиболее эффективный и коварный способ заставить молчать всех остальных состоит в том, чтобы перестать их слушать»¹. В подборке будут представлены тексты британских исследователей, которые работают с концептом аудиальной демократии либо каким-то образом перекликаются с ним.

Сенсорная vs политическая парадигма слуха

Задача данной статьи — охватить примерный круг проблемных зон и концептов, из которых в современной политической философии складывается исследовательское поле аудиальной демократии. Для этого нам понадобится сделать краткий обзор американской и европейской литературы и объяснить, почему представляемый сюжет заслуживает научного и политического внимания.

1. *Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 149.*

В последние годы проблематика слуха становится очень актуальна. Традиция научных трудов по теме довольно молода даже на Западе, не говоря уже о том, что она почти что не обзревается в отечественной интеллектуальной культуре. В современной философии, если применять довольно условную классификацию, проблематикой слуха — помимо наиболее ожидаемых в этом смысле исследований музыкальной перцепции — занимаются три направления: феноменология слуха², исследования травмы и теории демократии (включая теории публичной сферы, публичной коммуникации и медиа, образовательных и терапевтических практик, экологии).

В данной статье мы остановимся на последнем направлении — демократических теориях, отчасти затронув исследования травмы, но только в той мере, в какой они связаны с первыми. Нам нужно будет понять, как слушание оформляется в западной теории в качестве значимой ценности и активной практики публичной коммуникации. Почему вообще слух — казалось бы, столь привычная и обыденная вещь — становится проблемой? И что значит слышать, когда речь идет не о физиологической особенности организма, а об определенной коммуникативной и политической позиции?

Прежде всего, о какого рода слухе мы говорим? На протяжении долгого времени это понятие считалось (и во многом еще считается) само собой разумеющимся актом восприятия речи, то есть пассивной сенсорной способностью человеческого организма. В повседневном словоупотреблении под слухом или слышимостью может пониматься множество различных вещей. Например, когда мы говорим «вы меня не слышите», мы имеем в виду, что нас не хотят слушать или слушают недостаточно внимательно, что нас слушают, но не понимают, что нас понимают, но не соглашаются с нашей точкой зрения и т. д.

В отличие от сенсорной парадигмы, в рамках которой слух воспринимался до сих пор, в аудиальных исследованиях он рассматривается не как индивидуальная или пассивная физиологическая способность организма, а как активная практика. Мы так или иначе пользуемся слухом как средством побуждения Другого к речи, приглашения к диалогу, вовлечения в коммуникацию. Либо, напротив, мы отказываем в слухе, тем самым прерывая речь Другого и исключая его или ее из опыта общения. Как пишет Эндрю Добсон, намеренное или непроизвольное инструментальное использование слушания подразумевает, что слушатели

2. *Nancy J.-L. On Listening. N.Y.: Fordham University Press, 2007.*

«могут отказаться слушать, могут по своему усмотрению неверно понять, исказить значение слов или намерений говорящих»³.

Слух не «невинен» и не «случаен», но способ, с помощью которого мы слушаем собеседников, определяет и их статус, и смысл того, что они говорят, и ценностное значение сказанного. Слух не является нейтральной коммуникативной практикой — он культурно обусловлен социальными, классовыми, гендерными стереотипами и задается эпистемологическими установками. Так, Николь Дёрр пишет о «логике селективного слуха, которая опирается на исторически сложившиеся устойчивые нарративы» и «обусловлена визуальными и символическими кодами»⁴.

Исследователи выделяют, с одной стороны, деформированный слух (*distorted listening*)⁵, а с другой — активный и внимательный слух. В первом коммуникация строится асимметричным образом: либо говорящий «неслышим» адресатом в силу определенных селективных стратегий слушающего, либо слушающий оказывается пассивным объектом речи говорящего. Вторая позиция предполагает, что говорящий слышим, в то время как слушатель обладает волей к рефлексии и способен оказывать сопротивление⁶.

Слух понимается как искусство, которое требует гибкости, любознательности, терпения, отчасти даже уязвимости в смысле признания собеседниками их зависимости друг от друга. Как пишет Романд Коулз, «слушание — в меньшей степени отдельная способность, нежели сложное искусство, которое следует развивать в различных типах отношений»⁷. По словам Сьюзен Бикфорд, «слушание, как и говорение, — творческий акт, предполагающий сознательность усилия»⁸.

Слух также начинает пониматься и как политическая практика — не только существующая, но и та, нормативный идеал которой еще только предстоит воплотить в жизнь: граждански не-

3. Цит. по: Dobson A. *Listening for Democracy. Recognition, Representation, Reconciliation*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 20.

4. Doerr N. *The Disciplining of Dissent and the Role of Empathetic Listeners in Deliberative Publics: A Ritual Perspective*// *Globalizations*. 2011. Vol. 8. № 4. P. 523, 530.

5. Bickford S. *The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. P. 21.

6. Ibid. P. 48.

7. Coles R. *Moving Democracy: Industrial Areas Foundation Social Movements and the Political Arts of Listening, Traveling, and Tabling*// *Political Theory*. 2004. Vol. 32. № 5. P. 685.

8. Bickford S. *Op. cit.* P. 144.

обходимое обязательство выслушивать своего оппонента, даже содержательно с ним не соглашаясь, аудиальное внимание (*aural attentiveness*⁹) и ответственность за способ, которым мы слушаем других. Бикфорд, которая впервые предложила понимать слух как практику гражданства, пишет:

Слух не пассивен и не требует презумпции субстанциально разделяемых интересов. Скорее, им задействуется воля установить некое отношение внимания, сформировать «слуховой гештальт», в котором мы, как части целостной структуры, не имеем значения друг без друга¹⁰.

Первые теоретики аудиального внимания

Несмотря на то что первые работы, посвященные концепции слуха в политической теории, датируются 70-80-ми годами XX века¹¹, саму традицию проблематизации относят еще к Аристотелю. Так, Бикфорд приписывает ему значимую роль в формировании последующей по времени проблематике слуха. В ее интерпретации Аристотель впервые делает объектом анализа «политическую роль внимания к другим»¹². Политической культуре

9. *Couldry N. Rethinking the Politics of Voice//Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. 2009. Vol. 23. № 4. P. 579.*

10. *Bickford S. Op. cit. P. 24.*

11. Сюзен Бикфорд ссылается на первые труды, в которых стала оформляться проблематика слушания: *Barber B. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkley: University of California Press, 1984. Ch. 7; Boyte H. Commonwealth: A Return to Citizen Politics. N.Y.: Free Press, 1989; Cohen J., Rogers J. On Democracy. N.Y.: Penguin Books, 1983; Evans S. M., Boyte H. C. Free Spaces. N.Y.: Harper and Row, 1986; Forester J. Planning in the Face of Power. Berkeley: University of California Press, 1989; Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. Ch. 2. Помимо этого, имеет смысл упомянуть следующие работы: *Kleinberg-Levin D. M. The Listening Self: Personal Growth, Social Change, and the Closure of Metaphysics. L., N.Y.: Routledge, 1989; Fiumara G. C. The Other Side of Language: A Philosophy of Listening. L.; N.Y.: Routledge, 1990; Wolvin A., Oakley C. G. Listening. Madison, WI: Brown & Benchmark Publishers, 1996; Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond. Oxford: Oxford University Press, 2000; Couldry N. Listening Beyond the Echoes. Colorado: Paradigm Publishers, 2006; Lacey K. Listening Publics: the Politics and Experience of Listening in the Media Age. Cambridge, UK: Polity, 2013; Lipari L. Listening, Thinking, Being: Toward an Ethics of Attunement. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2014.**

12. *Bickford S. Op. cit. P. 19.*

присущ антагонизм. Мы вступаем в переговоры по тем предметам, которые являются камнем преткновения. От нас требуется внимание к перспективам других участников, которое, впрочем, не вырастает (и вовсе не обязано произрастать) из дружбы и эмпатии. Политика в понимании Аристотеля — интеракция разных граждан, порой социально неравноправных. Именно наличие конфликта делает необходимой коммуникацию, понимаемую как умение слушать аргументы друг друга.

Уже в XX веке в работе «Публика и ее проблемы» (1927) Джон Дьюи впервые подвергает критике пассивный слух, расценивая его как одностороннюю коммуникацию. Он упрекает современные образовательные практики в монологичности: когда говорит в основном преподаватель (а в недемократически ориентированных учебных программах чаще всего так и происходит), он передает ученикам готовое знание, готовые решения, которые усваиваются автоматически и не побуждают их думать самостоятельно. В такой диспозиции нет предпосылки для активного отклика тех, кто слушает.

Эту ситуацию пассивного восприятия Дьюи проецирует на общество в целом: приучая к конформизму, она делает учеников заведомо недееспособными гражданами демократического общества:

Одностороннее однонаправленное слушание в традиционном образовании представляет собой полный аналог пассивности общества и причину его последующей незащитности перед деспотизмом¹³.

Дьюи выделяет два типа слушания: одностороннее и транзакционное, диалогически ориентированное. Второе отличается тем, что в коммуникативной ситуации более нет полярных фигур говорящего и слушающего, а также нет готовых содержания — смысл и содержание речевого взаимодействия рождаются в процессе говорения и слушания¹⁴.

13. Waks L. J. John Dewey on Listening and Friendship in School and Society // *Educational Theory*. 2011. Vol. 61. № 2. P. 202. См. также: Dewey J. *Creative Democracy — The Task Before Us* // Idem. *The Political Writings*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc. 1993. P. 240–246; Garrison J. A Deweyan Theory of Democratic Listening // *Educational Theory*. 1996. Vol. 46. № 4. P. 429–452.
14. О проблемах слуха и слухового внимания в образовательных практиках см. также: Kurth-Schai R., Green C. R. *Conversation, Composition, and Courage: Re-Envisioning Technologies for Education and Democ-*

Несколько десятилетий спустя Ханна Арендт заявит о необходимости публичной сферы, которая придает смысл нашему политическому бытию, как и вообще бытию-в-мире, именно потому, что там есть другие и каждый может выразить себя и быть услышанным:

Предстояние других, которые видят, что мы видим, и слышат, что мы слышим, удостоверяет нам реальность мира и нас самих... Ибо хотя общий мир представляет общее для всех место собрания, однако все сходящиеся в нем каждый раз занимают тут разные позиции и местоположение одного так же не может совпасть с местоположением другого, как и местоположение двух предметов. Увиденность и услышанность другими получает свою значимость от того факта, что каждый смотрит и слушает с какой-то другой позиции¹⁵.

Бикфорд указывает, что хотя Арендт и не использует это понятие напрямую, слушание играет значимую роль для концепции политического действия и суждения. Мирское пространство (*worldliness*) конституируется наличием других. Публичное политическое пространство характеризуется одновременно совместностью (бытием друг с другом, в отношении друг к другу),

racy // *Educational Studies* Spring. 2000. Vol. 31. Iss. 1. P. 19–32; *Beall M., Gill-Rosier J., Tate J., Matten A.* State of the Context: Listening in Education // *International Journal of Listening*. 2008. Vol. 22. № 2. P. 123–132; *Garrison J.* Compassionate, Spiritual, and Creative Listening in Teaching and Learning // *Teachers College Record*. 2010. Vol. 112. № 11. P. 2763–2776; *Beatty J.* Good Listening // *Educational Theory*. 1999. Vol. 49. № 3. P. 281–298; *Hansen D.* Horizons of Listening // *Philosophy of Education* 2003. Urbana, IL: Philosophy of Education Society, 2003. P. 22–25; *Lam M. S.* The Gentle Art of Listening: Skills for Developing Family – Administrator Relationships in Early Childhood // *Early Childhood Education Journal*. 2000. Vol. 47. № 4. P. 267–274; *Laverty M.* Can You Hear Me Now? Jean-Jacques Rousseau on Listening Education // *Educational Theory*. 2011. Vol. 61. № 2. P. 155–169; *Noddings N.* Why Should We Listen? // *Philosophy of Education / K. Aston (ed.)*. Urbana, IL: Philosophy of Education Society, 2003. P. 19–21; *Rice S.* Moral Perception, Situatedness and Learning to Listen // *Learning Inquiry*. 2007. Vol. 1. P. 107–113; *Idem.* Toward an Aristotelian Conception of Good Listening // *Educational Theory*. 2011. Vol. 61. № 2. P. 41–53; *Rice S., Burbules N.* Listening: a Virtue Account // *Teachers College Record*. 2010. Vol. 112. № 11. P. 2728–2742; *Schultz K.* Listening: A Framework for Teaching Across Differences. N. Y.; L.: Columbia University Press, 2003; *Waks L.* Two Types of Interpersonal Listening // *Teachers College Record*. 2010. Vol. 112. № 11. P. 2743–2762.

15. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 75.

равенством (наличием одинаковых прав) и различием (способностью друг от друга отличаться)¹⁶.

Плюральность политического пространства — как *togetherness* (совместность), так и *distinctiveness* (различие) — требует внимания к тем, кто всегда присутствует рядом со мной в мире, будучи не похож на меня. И поскольку публичное пространство конституируется речью, о чем мы еще скажем ниже, это внимание — аудиальное, оно предполагает способность восприятия, в том числе и слухового, множественности вписанных в публичность перспектив¹⁷.

Критика голосоцентричной парадигмы и субъекта речи

В исследованиях возникает закономерный вопрос: если слух может оказаться, с одной стороны, добродетелью, а с другой — средством злоупотребления, то почему этой теме уделяется так мало исследовательского и политического внимания в литературе?

Дело в том, что главными объектами внимания господствующих политических теорий европейской традиции преимущественно выступали субъект голоса и его речь. Современная демократическая культура характеризуется в основном как «говорящая». Многие исследователи отмечают тот факт, что активность в политике ассоциируется с говорением, тогда как слушание — с пассивностью. Пренебрегающая слухом *голосовая модель*

16. Бикфорд уточняет, что иногда Арендт употребляет понятие схожести (*similarity*), но последнее значит равенство в правах, а не онтологическое подобие.

17. Отсутствие условий для взаимного восприятия и слушания Арендт усматривала и в массовом обществе: «...крушение тут как раз большей частью и происходит именно через нивелирование множественности, в какой то же самое внутри человеческой плюральности показывает и поддерживает свою тождественность. Такие катастрофические крушения известны нам в истории из эпох насильственных властителей, которые столь радикально изолируют подданных друг от друга, что никто уже не может сойтись и договориться с другим. Однако подобное происходит также и в массовых обществах и в ситуации массовых истерий, когда все вдруг начинают вести себя так, словно они члены громадной единой души внутри себя семьи, и где истерия возникает из-за того, что какой-то один аспект гигантски раздувается. В обоих случаях мы имеем дело с радикальными феноменами приватизации, то есть с состояниями, в которых никто уже не может видеть и слышать другого или быть увиденным и услышанным» (Арендт Х. Указ. соч. С. 75–76).

демократии, как определяет ее Добсон¹⁸, однако, также ведет к Аристотелю.

Вопреки интерпретации Бикфорд, Добсон и Калдер склонны винить Аристотеля в том, что субъектом политики традиционно стал считаться именно человек говорящий, а не слушающий. По их логике, именно Аристотель впервые сопряг бытие политическим субъектом (или бытие-субъектом как таковое) с разумной речью и предложил ее в качестве критерия для отделения человека от нечеловека, а политического субъекта — от того, кто остается за пределами сообщества:

Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, это ясно... между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п.¹⁹

Разделив голос на политически значимую речь и лишенный смысла шум, Аристотель закрепил доминирующий статус речи над слухом в публичной сфере и господство роли субъекта речи над ее слушателями. Более поздние политические теории автоматически перенимали тезис Аристотеля и воспроизводили его на протяжении нескольких веков. Например, та же Арендт пишет: «...ибо люди лишь потому политические существа, что они наделены способностью речи»²⁰. Так сложилась *речевая, вокальная или голосовая модель публичной политики*.

В более поздних теориях демократии, однако, признается, что притязание только на право голоса в публичной сфере бессмысленно, если вас не готовы слушать, а так называемая самооценочность речи представляет собой «перформативное противоречие». Недостаточно просто дать голос — надо сделать его слышимым (*render voices audible*). Речь как неотъемлемое право демокра-

18. Dobson A. Op. cit. P. 29.

19. Аристотель. Политика // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 379.

20. Арендт Х. Указ. соч. С. 10.

тии вовсе не обязательно гарантирует право быть выслушанным. Более того, право на голос перестает мыслиться гарантией демократии, ибо говорение может быть монологичным, а его катастрофические и разрушительные последствия известны по опыту XX века.

Следует признать зависимость друг от друга говорения и слуха, говорящего от слушающего и невозможность одного без другого, ибо слух встроен в саму структуру перцепции и языковой коммуникации. Так, в современной литературе складывается *этос аудиальной ответственности*, который призван уравнивать в правах говорение и слушание:

Равно как говорящие должны думать о том, как (и что) они говорят, так и слушатели должны отдавать себе отчет в том, как они слушают и что слышат²¹.

Слух в структуре публичной сферы

Начиная с Древней Греции публичное пространство демократии выстраивалось на принципе репрезентации, для которой особое значение имел голос: в той мере, в какой вы обладаете правом на высказывание, вы представлены в политическом измерении. По логике аудиальных исследований, голос — как маркер представительства — может родиться только в условиях определенного типа слушания. Он становится публично значимым, когда находит аудиторию. Именно поэтому готовность или неготовность выслушать оппонента является политически инструментальной.

Властные механизмы реализуются в умении *не слышать* определенные способы выражения. Как пишет Бикфорд, диспозиции слуха (распределение его ресурсов) отражают социальные структуры власти — кому, как именно, когда уделяется слуховое внимание. Институциями посредством слуха производятся дискурсивные иерархии и авторитеты. То, как нас слушают (или нет), влияет на наш социальный и политический статус. Социальные, экономические, политические силы могут блокировать слуховое внимание. Так, Джерард Гоггин говорит о селективном слушании (*partial and selective listening*²²). Николь Дёрр использует понятие эксклюзивного (в противоположность

21. Bickford S. Op. cit. P. 129.

22. Goggin G. Disability and the Ethics of Listening // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. 2009. Vol. 23. № 4. P. 495.

инклюзивному) слушания, то есть такого типа избирательного слуха, который делает слышимыми только определенных субъектов и определенные смыслы политического пространства в ущерб всем остальным.

Гегемонические структуры предполагают такую организацию публичного пространства и дискурса, при которой одни социальные и политические группы неизбежно будут иметь больше возможностей быть услышанными, чем другие. Многие исследования ссылаются на американского политического философа Айрис Мэрион Янг, которая не работала напрямую с проблематикой слуха, но выявляла скрытые механизмы исключения из публичной сферы, имплицитно основанные на нежелании слышать Другого. Она говорила об активном исключении, когда некоторые социальные и политические группы, которых власть имущие элиты не хотят слушать, не имеют доступ к публичному пространству в силу разных причин: либо у них нет финансовой возможности, либо им отказывают в медийном времени, либо к ним применяются угрозы лишить субсидий в случае, если они выскажут свои альтернативные мнения²³.

Однако еще более опасным — в силу его малой заметности — Янг считала пассивное исключение, в условиях которого группы формально включены в процесс публичного обсуждения, но при этом не становятся слышимыми субъектами. Например, когда той или иной группе отказывают в приветствии, тем самым не признавая ее в качестве равноценного политического субъекта. Или когда о тех людях, чья проблема решается через публичные переговоры, говорится не во втором, а в третьем лице, что превращает их из активного субъекта коммуникативной практики в ее пассивный объект и т.д.²⁴

23. См. о механизмах исключения в медиапубличности: *Дейк ван Т.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. Гл. 3; а также: *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. Гл. «Главенство коммуникации».

24. См.: *Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2000. Ch. 2; Idem. Justice and Communicative Democracy // Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics / R. S. Gottlieb (ed.). Philadelphia: Temple University Press, 1993. P. 123–142.* В недавних трудах выделяется также эпистемическое исключение, при котором тем или иным носителям знания отказывается в праве на рациональность. Исторически субъектами эпистемического исключения становились женщины, дети, эмигранты или неэксперты. Например, при решении экологических проблем местным жителям, знающим о том, что

Бикфорд по этому поводу пишет:

Нормы, которые управляют коммуникацией, не нейтральны, но, скорее, отражают способы говорения тех групп, которые уже возымели власть в обществе²⁵.

Они создают культурно-лингвистические установки, влияющие на то, как люди слышат. Ссылаясь на Янг, она говорит о «культурном империализме», который предполагает, что модус выражения господствующей группы устанавливается в обществе как универсально нормативный (*establishment*)²⁶. Таня Дреер употребляет в подобных случаях словосочетание «дискурсивно привилегированные», имея в виду тех, кто неоправданно дает себе привилегию не слушать оппонентов²⁷.

Брэндон Морган-Олсен выдвигает идею возлагать на слушателей такие же гражданские обязательства, как и на говорящих. Он обращает внимание на эпистемическую сложность, связанную с различием публичных и непубличных аргументов (в классификации Ролза²⁸). По его логике, не следует автоматически исключать непубличные аргументы, потому что в них могут оказаться элементы публичных либо их можно «перевести» на язык последних²⁹:

их экологическая среда уязвима, отказывают в праве быть выслушанными на том основании, что они не эксперты. Признание за людьми способности обладать ценным знанием о своем жизненном опыте (и делать его предметом слуха) оказывается проблемой для политической теории. См., напр.: *Fricker M. Epistemic Injustice: Power and Ethics of Knowing*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2006; *Bohman J. Decentering Democracy: Inclusion and Transformation in Complex Societies // The Good Society*. 2004. Vol. 13. № 2. P. 49–55.

25. *Bickford S.* Op. cit. P. 96–97.

26. *Ibid.* P. 99–100.

27. *Dreher T.* Listening Across Difference: Media and Multiculturalism Beyond the Politics of Voice // *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 446.

28. Непубличные аргументы в своей основе имеют особенные мировоззренческие координаты (*particular worldview*), которые нельзя универсализовать в либеральном мультикультурном обществе. Они не несут в себе общих оснований, которые могли бы быть разделяемы всеми. См.: *Morgan-Olsen B.* A Duty to Listen: Epistemic Obligations and Public Deliberation // *Social Theory and Practice*. 2013. Vol. 39. № 2. P. 190.

29. «Спасительным „переводом“ стал „перевод“ идеи богоподобия человека в сходную идею человеческого достоинства, требующего к себе обязательного уважения. Так, содержание библейских понятий выводится за пределы религиозного сообщества и становится достоянием инако-

Необходимо умение различать, какую часть чьей-то мысли можно отнести к политическому притязанию, какая часть совершенно недоступна для понимания и должна быть отделена...³⁰

Дело в том, что сама способность различать публичные и непубличные аргументы культурно обусловлена, она зависит от концептуальных и эпистемологических ресурсов, доступных гражданам³¹. Поэтому демаркация публичного и непубличного должна становиться итогом публичного обсуждения, а не его предпосылкой³².

Если мы не возлагаем на себя ответственность суждения (и соответственно, слуха, вслушивания в смысл суждения), мы активизируем механизмы политического исключения и рискуем впасть в принуждение без надлежащего обоснования³³. Морган-Олсен говорит о необходимости эпистемических и нормативных ожиданий или ролей, которые бы приписывались слушающим: столь нужная для публичной политической жизни «атмосфера уважения может быть разрушена негражданственным слушанием так же, как ее разрушают негражданственные речи»³⁴.

Таким образом, признается, что опыт внимательного вслушивания способен переструктурировать сложившиеся диспозиции языковой и символической иерархии в публичной сфере. Сосредоточенное слушание признается антидотом репрессивного невнимания³⁵.

Слух и различие/ разногласие

В последние десятилетия в западной теории и практике оформляется модель так называемой переговорной, или делиберативной, демократии, которая предполагает, что все общественно значимые вопросы и проблемы разрешаются с помощью

верующих и неверующих» (*Хабермас Ю.* Диалектика секуляризации. М.: Библейский Богословский Институт Св. Апостола Андрея, 2006. С. 68). Ср.: «Классифицирующий ярлык „религиозный“ не поможет в идентификации непубличных аргументов. <...> Религиозные аргументы могут быть субстанциально укоренены в узнаваемых чертах общечеловеческого опыта» (*Morgan-Olsen B.* Op. cit. P. 194–195).

30. Ibid. P. 197.

31. Ibid. P. 192.

32. Ibid. P. 198.

33. Ibid. P. 204.

34. Ibid. P. 205

35. *Bickford S.* Op. cit. P. 129.

публичных дискуссий. Ни одно принятое в политике решение не может считаться действительно справедливым и учитывающим общие интересы, если ранее оно не прошло процедуру обсуждения с привлечением всех, кого так или иначе могут затронуть его последствия.

Модель, однако, порождает большое количество критики, поскольку признается, что мы настолько разные, настолько укоренены в наших культурных и исторических контекстах, эпистемологических традициях и этических ценностях, что либо мы вовсе не можем достичь консенсуса, либо он неизбежно оказывается мнимым³⁶. Джейн Мэнсбридж писала:

Ущемленные группы иногда не могут найти правильных слов, чтобы выразить свои мысли, а когда находят, они обнаруживают, что их не слышат. Они вынуждены молчать и слушать, что говорят кому-то «да», в то время как на самом деле сказали «нет»³⁷.

В качестве альтернативы мнимому или чреватому властными механизмами консенсусу возникает идея *значимого диссенсуса* (*significant dissensus*) — различия, которое мыслится не препятствием развития демократии, а его необходимой ценностью. Считается, что если публичное пространство выдерживает определенный градус конфликтности, то, вопреки расхожему мнению, это не плохо, а, напротив, довольно продуктивно, что отражает суть обязательной нравственной предпосылки демократии — плюральности. Сильная, радикальная или, как ее еще называют, зрелая демократия (*mature democracy*) предполагает негомогенность публичной сферы.

Одно из базовых исследований проблематики слуха в контексте современной демократии мы находим в книге Бикфорд «Слух, конфликт и гражданство. Диссонансы демократии» (1996). Она исходит из диссенсуального понимания политики:

36. См., напр.: *MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality?* Indiana; Notre Dame: University of Notre Dame, 2008; *McCarthy T. Legitimacy and Diversity: Dialectical Reflections on Analytical Distinctions*//*Cardozo Law Review*. 1996. Vol. 17. № 4–5. P. 1083–1127; *Rehg W. Insight and Solidarity. A Study in the Discourse Ethics of Jürgen Habermas*. Berkeley; L. A.: University of California Press, 1994.

37. *Mansbridge J. Feminism and Democracy*//*The American Prospect*. 1990. № 1. P. 127. Цит. по: *Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy*//*Social Text*. 1990. № 25/26. P. 64.

Политика... не конституируется ни консенсусом, ни сообществом, но только лишь практиками гражданских споров об интересах и ценностях, иными словами, коммуникацией³⁸.

Чтобы примирить конфликтующие притязания на значимость в едином публичном пространстве, антагонистические переговоры требуют особого типа внимания друг к другу. Чарльз Хазбэнд определяет слух именно как акт внимания³⁹. Бикфорд пишет:

Слух как элемент концепции состязательной (*adversarial*) коммуникации представляет собой ключевую политическую активность, которая позволяет нам придавать демократическую форму нашему совместному бытию в мире⁴⁰.

Вслед за ней Добсон исходит из того, что несогласие является фундаментальной чертой политической жизни. Там, где мы не можем достичь консенсуса, мы можем достичь взаимопонимания. В этом смысле слух является способом управлять разногласиями⁴¹.

Почему слух мог бы выступить в качестве эффективного средства артикуляции конфликтов? Потому что он предполагает открытость и восприимчивость. В каком-то смысле он учит тому, как не соглашаться взаимно уважительным образом⁴². За счет аудиальной предрасположенности друг к другу становится возможным совместное конституирование значения, intersubjective создание горизонта смыслов — по крайней мере, возникает надежда на него как на нормативный идеал.

В некоторых трудах мы встречаем противопоставление слуха и понимания. Слух способен воспринять такие нюансы, которым будет противиться эпистемологически обусловленное рационально ориентированное понимание⁴³. В таком случае он мог бы служить одним из способов преодоления стереотипизированной идентификации. В других же работах — из области конфликтологии — мы встречаем рассуждения о политическом значении тишины в коммуникации. Речь идет об использова-

38. *Bickford S.* Op. cit. P. 11.

39. *Husband C.* Between Listening and Understanding//Continuum: Journal of Media and Cultural Studies. 2009. Vol. 23. № 4. P. 441.

40. *Bickford S.* Op. cit. P. 19.

41. *Dobson A.* Op. cit. P. 10. Добсон оговаривает, что сам по себе слух не решает конфликтные ситуации, но является необходимой предпосылкой для восприятия и понимания речи Другого (Р. 60).

42. *Barber B.* Op. cit. P. 128–129. Цит. по: *Bickford S.* Op. cit. P. 13.

43. См., напр.: *Husband C.* Op. cit.

нии пауз, молчания как приема для демонстрации целенаправленного слухового внимания. Так, например, Блэк и Видерхольд вводят концепт уважительной тишины и уважительного слуха (*deferential silence, deferential listening*⁴⁴).

Слух необязательно должен быть эмпатическим. Возможно, даже лучше, чтобы он не нес в себе этой предпосылки. Сочувственно слушать мы можем друзей и близких, тогда как, в терминах Шмитта, любой политический Другой — наш враг; устранение же врага привело бы к устранению измерения политического⁴⁵. Неэмпатическое слушание предполагает усилие к пониманию того, что тебе заведомо не близко. Хотя, к примеру, Дёрр говорит о необходимости увеличения числа эмпатов в публичных переговорных практиках, однако она имеет в виду не сочувствующее согласие, а способность за счет аудиального внимания «выровнять» или по меньшей мере поставить под вопрос иерархические дискурсивные асимметрии⁴⁶. Наконец, слух всегда связан с риском. Как пишет Бикфорд, то, что мы слышим, может лишить нас безопасности и породить дискомфорт, потребовать от нас изменить свою позицию.

Таким образом, в нормативном идеале аудиальной демократии практики слуха трансформируют нынешнее публичное пространство. С монологического утверждения истины, мнения или знания акцент переносится на проблемы восприятия, понимания, признания, вслушивания в Другого. Слух оказывается тесно связан с идеей признания там, где консенсуальная модель может обнаружить свою недемократичность.

Политическое сообщество неслышимых субъектов

Умение не слышать своего оппонента понимается в «аудиальных» теориях как один из способов политического исключения.

44. Black L. W., Wiederhold A. Discursive Strategies of Civil Disagreement in Public Dialogue Groups // *Journal of Applied Communication Research*. 2014. Vol. 42. № 3. P. 299, 301.

45. См.: Шмитт К. Понятие политического // *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 37–67; Мюфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений // Десять докладов, написанных к Международной конференции по философии, политике и эстетической теории «Создавая мыслящие миры», проведенной в рамках 2-й Московской биеннале современного искусства. М.: Интерроса, 2007. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/.

46. Doerr N. Op. cit. P. 521.

Маргинализация осуществляется не только за счет нехватки или отнятия права на высказывание, но и за счет того, что твой голос оказывается неслышим. Встает вопрос: на каких именно основаниях должно строиться политическое сообщество, чтобы быть действительно инклюзивным?

Когда Аристотель разделил коммуникацию на голос и речь, противопоставив их друг другу, он отнес голос к свойствам неантропоморфных существ и возвел речь в достоинство антропоморфных, маркируя все неязыковые формы коммуникации как «незначимый шум». В современной политической теории происходит коренное переосмысление критерия речи применительно к проблеме сообщества. Признается, что чье-либо вхождение в состав политического сообщества зависит от того, захотим или не захотим мы его *услышать*, иными словами, обратим мы слух к его речи или нет.

Разумная речь, однако, вовсе не является определяющим фактором в рамках экологической парадигмы политического, потому что неантропоморфные существа способны к неязыковому общению, они имеют свои нужды, интересы, чувствительные области жизненного мира. Дело только в том, насколько мы развиваем диспозиции слухового внимания в отношении данных способов коммуницировать⁴⁷.

Так, Добсон приходит к выводу, что политическая коммуникация способна быть неголосовой, а неантропоморфных существ также можно считать членами сообщества: их интересы могут учитываться, а сами они — признаваться политическими субъектами. Ссылаясь на Латура, Добсон пишет:

...границы, разделяющие «человеческое» от «природного», пролегают в области эпистемологии, а не онтологии, зоологии, экологии или биологии⁴⁸.

В этом смысле экологическая справедливость и этика требуют расширения сферы признания и включения в новое политическое сообщество как антропоморфных, так и неантропоморфных субъектов. На эпистемологическом уровне речь идет о том, чтобы не задавать *a priori* предпосылки категорий, в рамках которых можно или нельзя строить политическое высказывание.

47. См. подробнее на русском языке: Вайзер Т. Эгоцентризм и интерсубъективность во взаимоотношениях человека и окружающей среды // Логос. 2014. № 1 (97). С. 171–186.

48. Dobson A. Op. cit. P. 152.

Напротив, они должны рождаться в процессе говорения и слушания. Вслед за Латуром Добсон предлагает переопределять и заново осмыслять понятия, которые долго использовались в политической практике, будучи принимаемы как самоочевидные, — например, понятие (политической) «дискуссии».

Сам статус субъектности (тех, кто входит в сообщество) должен быть итогом критических практик осмысления и вслушивания, а не предпосылкой, которая отделяет слышимых от неслышимых, субъектов от несубъектов. Коулс пишет:

Если демократические голоса слабо звучат в сообществе, это происходит, возможно, потому, что попытки развить политический голос не прошли через горнила искусства слуха⁴⁹.

Слух, насилие, травма

Наконец, последний вопрос: каким образом слух может быть связан с насилием? Прежде всего, это монолог и пассивная аудитория, односторонне обращенная речь, от которой слушатель не имеет возможности отказаться или которую не может опротестовать. На такого рода принципе строится политическая пропаганда, не предполагающая активной критической позиции аудитории, или догматическое одностороннее образование, о котором писал Дьюи. Это также может быть обращенная к аудитории речь политика, который не терпит альтернатив. Брюс Бухан в статье «Слушая шумы политической мысли» упоминает Гитлера, который мог вдохновенно говорить часами перед пассивно внемлющей аудиторией, но при этом никого из своего окружения не слушал или не мог долго удерживать аудиальное внимание⁵⁰. Добсон вводит понятие «насильственного слуха» (*forced listening*):

Большая часть лингвистической интеракции, которая лежит в основе человеческого опыта, представляет собой не столько слух, сколько испытание на прочность и насильственное закармливание, гипнотическое вменение или эпистемологическое принуждение⁵¹.

Однако по его логике само по себе принуждение слушать не всегда плохо, например когда ущемленные в правах группы,

49. Coles R. Op. cit. P. 687.

50. См., напр.: Buchan B. Listening for Noise in Political Thought // Cultural Studies Review. 2012. Vol. 18. № 3. P. 41.

51. Dobson A. Op. cit. P. 72; Fiumara G. C. The Other Side of Language: A Philosophy of Listening. L.; N.Y.: Routledge, 1990.

которых долго вынуждали слушать пассивно, принуждают (правительство, работодателей и т. д.) выслушать себя в ответ. Проблема для него, скорее, в том, что у нас нет юридически закрепленных взаимных обязательств работодателей слушать сотрудников. В этом случае следует говорить не о слуховом принуждении, а о недостатке взаимности аудиальных отношений (*lack of the aural reciprocity*⁵²). Равным образом и Бикфорд говорит о «недостатке взаимности в перцептивной активности»⁵³. Когда в исследованиях используется понятие слуховой взаимности (*audial/aural reciprocity*), то подразумевается пропорциональное внимание, оказываемое друг другу как равноценным субъектам коммуникации⁵⁴.

Проблема слуха оказывается также важна в исследованиях, которые понимают под травмой постоянное незавершенное состояние, выражающееся в невозможности ухватить сознанием и передать другим пережитый опыт. Травма рассматривается не как катастрофический момент биографии, а как дрящееся «нелокализуемое событие», которое терзает сознание в виде беспокойства и кошмара. Так, например, предлагает воспринимать этот феномен американский литературовед и философ Кэти Карут. Травма для нее делает необходимым поиск адресата, слушателя, который сможет услышать то, что ускользает даже от сознания самого травмированного субъекта. Слушатель именно потому приобретает ключевое значение для переживания и изживания травмы, что он придает случившемуся смысл⁵⁵.

52. Dobson A. Op. cit. P. 24, 73.

53. Bickford S. Op. cit. P. 142.

54. Яркий пример слухового принуждения и слушания как целенаправленного приема манипуляции дает Хичкок в фильме «Я исповедуюсь» (1953). Сюжет строится вокруг того, что герой совершает убийство и рассказывает о поступке священнику, после чего начинается следствие — и первый дает свидетельские показания, которые делают главным подозреваемым в убийстве последнего. Он делает это намеренно, помня о тайне исповеди. Хичкок проблематизирует саму конструкцию исповеди, которая предполагает говорящего и такого слушающего, что вынужден слушать в силу взятых моральных обязательств: фигура священника становится драматичной — он оказывается заложником своей роли слушателя, даже когда ситуация оборачивается против него не только в плане угрозы лишения свободы, но и возможной потери своего нравственного облика в глазах остальных.

55. В сборнике интервью с исследователями травмы она сама выступает в роли внимательного слушателя тех, кто по роду деятельности слушает пациентов. См.: Caruth C. Listening to Trauma: Conversations with

В своей недавней работе Карут проанализировала пьесу чилийского драматурга Ариэля Дорфана «Дева и смерть» (1991), имеющую совершенно невообразимый, но тем не менее исторически правдоподобный сюжет. Главная героиня некогда пережила травматический опыт: ее насильствовали и пытали под музыку Шуберта — такова уж была фантазия преступника, возможно вызванная потребностью заглушить крики. Когда режим Пиночета был свергнут, страна пережила некоторую степень демократизации: были модернизированы политические и социальные институты, создана Комиссия по правам человека, в которую героиня могла бы обратиться за помощью, если бы ее там могли выслушать.

Однако героиня оказывается лишена этой возможности, поскольку юридический институциональный язык не позволяет ей вписать случившийся опыт в свои клише. Будучи неспособной найти в лице демократического института адресата, который бы ее выслушал и воспринял, она берет в заложники подозреваемого и совершает над ним то слуховое насилие, которое он совершал над ней. Вывод, который делает из сценария пьесы Карут, состоит в том, что институты современного демократического общества не всегда дают право стать *слышимым субъектом* тем, кто обращается к ним в поисках справедливости⁵⁶.

В связи с проблемой *языка*, на котором некий опыт мог бы быть высказан и выслушан, важно упомянуть статью Джерарда Гоггина «Инвалидность и этика слуха». Со ссылкой на медиаполис Кристофера Ньюэла в ней развивается идея публичного

Leaders in the Theory and Treatment of Catastrophic Experience. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014; а также введение, в котором она выстраивает рассуждение на метафорах слуха, к книге: *Idem*. Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

56. Об этом также говорится в главе, где разбирается повесть «Полковник Шабер» Бальзака — о солдате, который чудом уцелел после захоронения в братской могиле, но, вернувшись домой, не сумел доказать, что он жив, поскольку юридический язык не допускал возвращения ему имени и имущества. В проекции на современную ситуацию: если война не объявлена (или эвфемистически именуется конфликтом), то возвращающиеся с фронта не могут открыто сказать о том, что «выжили на войне». Язык официальных медиа не предоставляет им такие определения, а юридические институты и службы социальной помощи не станут защищать их права. Таким образом, при формальной свободе слова в нынешних демократиях нас исключают из публичного дискурса, делая неслышимыми субъектами.

пространства нового типа для людей с ограниченными возможностями, которое имело бы особую коммуникативную архитектуру. Речь здесь идет о цифровых технологиях, которые бы создавались для инвалидов с учетом их особенностей самими инвалидами, способствуя артикуляции слухового внимания.

Мой главный аргумент заключается в том, что поворот к слуху как некое смещение акцента с голоса и говорения... предполагает поиск различных вариаций слухового внимания, которые следует обнаружить в общественно-политическом пространстве инвалидности⁵⁷.

Гоггин исходит из того, что инвалидность — это социальный конструкт, и ссылается на часто цитируемый пример Виктора Финкельштайна — город, изначально созданный инвалидами для инвалидов, жители которого были счастливы, поскольку инвалидность воспринималась как норма. Гармония нарушилась, когда с ними поселились несколько неинвалидов. И чтобы соответствовать сложившейся социальной норме, им пришлось бы радикально трансформировать образ жизни вплоть до реконфигурации собственной телесности.

Усматривая в этой антиутопии свидетельство социальной сконструированности инвалидности, Гоггин предлагает новую этику слуха, которая развивала бы новые публичные пространства и коммуникативные технологии для инвалидов: следует прислушаться к голосам самих инвалидов, которые зачастую замалчиваются, игнорируются, вытесняются вместо того, чтобы все время говорить о них и за них.

Кристофер Ньюэл критиковал способ, которым люди с ограниченными возможностями принуждались к определенным колонизирующим модальностям слуха. Традиционно их заставляли слушать «экспертов» вместо них самих, куда как не меньших специалистов в их собственных жизнях⁵⁸.

Гоггин видит выход в том, чтобы прислушаться к альтернативным, подчиненным или вторичным (*subaltern*) дискурсам. Гегемонические практики слуха складываются из привычки выслушивать инвалида исключительно как пациента — в качестве субъекта, производимого господствующим дискурсом медици-

57. Goggin G. Disability and the Ethics of Listening // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. 2009. Vol. 23. № 4. P. 491.

58. Ibid. P. 493.

ны, но не субъекта ускользающей от официальной артикуляции практики существования:

Нам нужно научиться слушать всевозможные истории об опыте жизни людей с инвалидностью в нашем обществе⁵⁹.

Гоггин предлагает уйти от устойчивой бинарной оппозиции «слушание — неслушание» и говорить вместо этого о различных модусах слушания, в том числе неадекватных (производящих асимметрии или деформации).

В такого рода исследованиях мы находим часто встречающуюся в «аудиальных» работах критику представительной демократии: представитель формирует гегемонический дискурс посредством исключения из него голоса того, от имени кого он высказывается, вернее, за счет отказа данному субъекту в аудиальном внимании.

Аудиальная демократия

Итак, мы можем говорить о формировании в политической философии последних двух-трех десятилетий концепта аудиальной демократии. Подытожив все вышесказанное, попытаемся вывести общее определение этого понятия:

Аудиальная демократия — это демократия, для которой особое значение имеют слуховые практики публичной коммуникации, основанные на внимании к адресату речи и признании за ним равной ценности.

Иногда употребляются такие синонимы этого понятия, как *рецепторная, рецептивная, сенсорная демократия*.

Аудиальная демократия появляется, во-первых, как подтип *партисипативной демократии*, основные ценности которой — всеобщее участие в политической жизни и включение субъектов коммуникации в публичные процессы. Во-вторых, она возникает по итогам критики переговорной модели демократии, в противоположность которой ею выдвигается следующая тезис: в условиях, когда наши различия неискоренимы, мы должны попытаться создать среду взаимной слышимости в публичной сфере. Необходимость развития аудиальной чувствительности к оппонентам — или горизонтальной рецептивности (*horizontal receptivity*), инклюзивной рецептивной вовлеченности (*inclusive*

59. Ibid. P.495.

receptive engagement), демократической чувствительности (*democratic sensibility*), как по-разному называет ее Коулз⁶⁰, — мыслится в качестве залога вовлечения в коммуникацию.

В рамках новой парадигмы проблематика слуха раскрывается в его потенциале для политической практики и рефлексии. Слух понимается как значимая ценность и добродетель, а публичное пространство мыслится таким образом, что каждый может быть в нем выслушанным. Осмыслиется необходимость новой *аудиальной культуры и этики*, где обращенное к Другому слуховое внимание было бы нормативным идеалом. Так политическая теория пытается восполнить демократический дефицит взаимного признания политических оппонентов.

Встает вопрос о том, какие практики и институты могли бы обеспечить условия для такого рода аудиального внимания, способствовать развитию нашей перцептивной способности и ее интеграции в политический контекст. Добсон посвящает ответу на него целую главу своей книги «Демократия и слух». Он пишет:

Если аудиальное невнимание и деформации носят структурный характер, то и решать эту проблему следует структурным образом⁶¹.

Например, подключать правительство, социальные службы, медиа, которые смогли бы улучшить слуховую связь между гражданами и политиками. Как пишет Дёрр, надо «разрушить гегемонические привычки аудиального восприятия, укрепившиеся в рамках институциональных структур публичной сферы»⁶². В свою очередь, Гоггин предлагает «расширить репертуар модусов коммуникации» со стороны правительств, госучреждений, различных организаций и корпораций⁶³.

Практикам слушания могли бы уделить внимание образовательные институты. Так, в некоторых американских образовательных программах практикуются семинары, которые помещают участников с заведомо конфликтными точками зрения в ситуацию диалога с целью не столько убедить других в собственной правоте, сколько научиться слуховому вниманию и терпению. Это достигается, в частности, за счет замедле-

60. Coles R. Op. cit. P. 683, 692, 687.

61. Dobson A. Op. cit. P. 179.

62. Doerr N. Op. cit. P. 526.

63. Goggin G. Op. cit. 496.

ния темпа беседы, фиксации внимания на паузах, когда важно не только, *что* говорится, но и *как* оно говорится, в какой манере и с какой интонацией участники выражают свои мнения, как мы физиологически или эмоционально реагируем на слова других, как именно организовано само диалогическое пространство. Речь идет о максимальном повышении уровня рецептивности, необходимой для неразрушительного восприятия различий⁶⁴.

Итак, подведем некоторые итоги складывающейся *аудиальной парадигмы*. Во-первых, слух — это не только пассивная физиологическая особенность, он также может служить искусством или политической практикой. Во-вторых, существует множество различных способов и видов слушания: активное, пассивное, вовлеченное, рассеянное и т. д., каждое из которых особым образом организует смысловое поле коммуникации. В-третьих, слух вовсе не невинен и не безобиден — им можно воспользоваться в целях манипулирования. Отказ слушать может стать средством политического исключения. Слушание зачастую связано с аудиальным насилием. В-четвертых, интересубъективно ориентированная политика слуха важна для демократического общества, она делает публичную сферу более инклюзивной и выступает в качестве инструмента для решения конфликтов.

В настоящую подборку вошли работы современных британских исследователей, которые занимаются проблематикой слуха и политического сообщества.

Профессор Килского университета в Великобритании Эндрю Добсон занимается политической философией окружающей среды и теорией аудиальной демократии. Его книга «Демократия и слух»⁶⁵ — фундаментальное систематическое исследование последних лет, включающее в себя практически всю предшествующую рефлексию. Из нее здесь представлен фрагмент, который поясняет, в чем заключается политическое и исследовательское значение нашей проблематики. Добсон разрабатывает нормативную концепцию слушания и намечает пути институционализации аудиальных практик, их интеграции в публичное коммуникативное пространство. Он противопоставляет *oral de-*

64. Примечательно, что теории, работающие с проблематикой диалогической рецептивности, задействуют совсем другой язык, гораздо более телесно-пространственный, нежели аргументативные концепции, занятые логикой высказывания.

65. Оригинальное название — *Listening for Democracy* — указывает как на значение слуха для демократии, так и на вслушивание в современные демократические процессы.

ocracy и *aural democracy* (которые в английском языке звучат одинаково), отдавая предпочтение последней.

Гидеон Калдер, профессор Университета Южного Уэльса в Великобритании, занимается политической теорией, вопросами этики и социальной справедливости. Его статья «Демократия и слушание» разбирает причины, по которым исследовательское и политическое внимание долгое время обходило стороной проблематику слуха, а также анализирует недостатки представительной и переговорной демократий (отличающихся «эпистемологической слепотой в отношении субъектов, лишенных речи») и разрабатывает нормативный идеал политического слушания.

Наконец, профессор Университета Ист-Англии и активист партии зеленых *Руперт Рид* занимается философией языка, науки и окружающей среды. Его статья не затрагивает проблематику слуха, но выстраивается, скорее, как манифест политического представительства будущих поколений и дает обоснование включению голоса будущих поколений как институционально необходимому шагу в развитии более инклюзивной демократии. Мы решили включить его статью в настоящую подборку, поскольку в ней также говорится о возможном расширении поля субъектов политического сообщества. При этом выявляется внутренняя драматургия исследовательских логик.

С одной стороны, аудиальная парадигма содержит критику репрезентативной демократии как предполагающей делегирование своего голоса представителю. Калдер пишет:

Представление о том, будто некто выступит от имени «лишенных голоса», соответствует скорее репрезентативной, нежели партисипативной, демократии. Оно подразумевает определенное притязание держателей речи на знание и понимание интересов тех, кто ее лишен. [Однако] всякая система, в которой безмолвные замещены своими «говорливыми» представителями, обладает патерналистскими и, быть может, гораздо более агрессивными и авторитарными тенденциями⁶⁶.

С другой стороны, в случае Рида очевидно, что мы можем «услышать» голоса будущих поколений не иначе как через представительство поколения, живущего здесь и сейчас. Субъект подобного типа выявляет границы аудиальной демократии; точнее говоря, он показывает, что эта парадигма не может до конца по-рвать с логикой представительства.

Литература

- Barber B. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkley: University of California Press, 1984.
- Beall M., Gill-Rosier J., Tate J., Matten A. *State of the Context: Listening in Education* // *International Journal of Listening*. 2008. Vol. 22. № 2. P. 123–132.
- Beatty J. *Good Listening* // *Educational Theory*. 1999. Vol. 49. № 3. P. 281–298.
- Bickford S. *The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship*. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
- Black L. W., Wiederhold A. *Discursive Strategies of Civil Disagreement in Public Dialogue Groups* // *Journal of Applied Communication Research*. 2014. Vol. 42. № 3. P. 285–306.
- Bohman J. *Decentering Democracy: Inclusion and Transformation in Complex Societies* // *The Good Society*. 2004. Vol. 13. № 2. P. 49–55.
- Boyte H. *Commonwealth: A Return to Citizen Politics*. N.Y.: Free Press, 1989.
- Buchan B. *Listening for Noise in Political Thought* // *Cultural Studies Review*. 2012. Vol. 18. № 3. P. 36–66.
- Caruth C. *Listening to Trauma: Conversations with Leaders in the Theory and Treatment of Catastrophic Experience*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014.
- Caruth C. *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
- Cohen J., Rogers J. *On Democracy*. N.Y.: Penguin Books, 1983.
- Coles R. *Moving Democracy: Industrial Areas Foundation Social Movements and the Political Arts of Listening, Traveling, and Tabling* // *Political Theory*. 2004. Vol. 32. № 5. P. 678–705.
- Couldry N. *Listening Beyond the Echoes*. Colorado: Paradigm Publishers, 2006.
- Couldry N. *Rethinking the Politics of Voice* // *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 579–582.
- Dewey J. *Creative Democracy—The Task Before Us* // *Idem. The Political Writings*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc. 1993. P. 240–246.
- Dobson A. *Listening for Democracy. Recognition, Representation, Reconciliation*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014.
- Doerr N. *The Disciplining of Dissent and the Role of Empathetic Listeners in Deliberative Publics: A Ritual Perspective* // *Globalizations*. 2011. Vol. 8. № 4. P. 519–534.
- Dreher T. *Listening Across Difference: Media and Multiculturalism Beyond the Politics of Voice* // *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 445–458.
- Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Evans S. M., Boyte H. C. *Free Spaces*. N.Y.: Harper and Row, 1986.
- Fiumara G. C. *The Other Side of Language: A Philosophy of Listening*. L.; N.Y.: Routledge, 1990.
- Forester J. *Planning in the Face of Power*. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Fraser N. *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* // *Social Text*. 1990. № 25 / 26. P. 56–80.
- Fricker M. *Epistemic Injustice: Power and Ethics of Knowing*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2006.
- Garrison J. *A Deweyan Theory of Democratic Listening* // *Educational Theory*. 1996. Vol. 46. № 4. P. 429–452.
- Garrison J. *Compassionate, Spiritual, and Creative Listening in Teaching and Learning* // *Teachers College Record*. 2010. Vol. 112. № 11. P. 2763–2776.
- Goggin G. *Disability and the Ethics of Listening* // *Continuum: Journal of Media*

- & Cultural Studies. 2009. Vol. 23. № 4. P. 489–502.
- Hansen D. Horizons of Listening // Philosophy of Education 2003. Urbana, IL: Philosophy of Education Society, 2003. P. 22–25.
- Husband C. Between Listening and Understanding // Continuum: Journal of Media and Cultural Studies. 2009. Vol. 23. № 4. P. 441–443.
- Kleinberg-Levin D. M. The Listening Self: Personal Growth, Social Change, and the Closure of Metaphysics. L., N.Y.: Routledge, 1989.
- Kurth-Schai R., Green C. R. Conversation, Composition, and Courage: Re-Envisioning Technologies for Education and Democracy // Educational Studies Spring. 2000. Vol. 31. Iss. 1. P. 19–32.
- Lacey K. Listening Publics: the Politics and Experience of Listening in the Media Age. Cambridge, UK: Polity, 2013.
- Lam M. S. The Gentle Art of Listening: Skills for Developing Family—Administrator Relationships in Early Childhood // Early Childhood Education Journal. 2000. Vol. 47. № 4. P. 267–274.
- Laverty M. Can You Hear Me Now? Jean-Jacques Rousseau on Listening Education // Educational Theory. 2011. Vol. 61. № 2. P. 155–169.
- Lipari L. Listening, Thinking, Being: Toward an Ethics of Attunement. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2014.
- MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality? Indiana; Notre Dame: University of Notre Dame, 2008.
- Mansbridge J. Feminism and Democracy // The American Prospect. 1990. № 1.
- McCarthy T. Legitimacy and Diversity: Dialectical Reflections on Analytical Distinctions // Cardozo Law Review. 1996. Vol. 17. № 4–5. P. 1083–1127.
- Morgan-Olsen B. A Duty to Listen: Epistemic Obligations and Public Deliberation // Social Theory and Practice. 2013. Vol. 39. № 2. P. 185–212.
- Nancy J.-L. On Listening. N.Y.: Fordham University Press, 2007.
- Noddings N. Why Should We Listen? // Philosophy of Education / K. Aston (ed.). Urbana, IL: Philosophy of Education Society, 2003. P. 19–21.
- Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Rehg W. Insight and Solidarity. A Study in the Discourse Ethics of Jürgen Habermas. Berkeley; L. A.: University of California Press, 1994.
- Rice S. Moral Perception, Situatedness and Learning to Listen // Learning Inquiry. 2007. Vol. 1. P. 107–113.
- Rice S. Toward an Aristotelian Conception of Good Listening // Educational Theory. 2011. Vol. 61. № 2. P. 41–53.
- Rice S., Burbules N. Listening: a Virtue Account // Teachers College Record. 2010. Vol. 112. № 11. P. 2728–2742.
- Schultz K. Listening: A Framework for Teaching Across Differences. N.Y.; L.: Columbia University Press, 2003.
- Waks L. J. John Dewey on Listening and Friendship in School and Society // Educational Theory. 2011. Vol. 61. № 2. P. 191–205.
- Waks L. J. Two Types of Interpersonal Listening // Teachers College Record. 2010. Vol. 112. № 11. P. 2743–2762.
- Wolvin A., Oakley C. G. Listening. Madison, WI: Brown & Benchmark Publishers, 1996.
- Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000.
- Young I. M. Justice and Communicative Democracy // Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics / R. S. Gottlieb (ed.). Philadelphia: Temple University Press, 1993. P. 123–142.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Аристотель. Политика // Он же. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
- Вайзер Т. Эгоцентризм и интерсубъективность во взаимоотношениях человека и окружающей среды // ЛогоС. 2014. № 1 (97). С. 171–186.

Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.

Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010.

Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая поли-

тика и динамика настроений // Десять докладов, написанных к Международной конференции по философии, политике и эстетической теории «Создавая мыслящие миры», проведенной в рамках 2-й Московской биеннале современного искусства. М.: Интерроса, 2007.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

Auditory Democracy: Including Silenced Subjects in the Political Community

Tatiana Weiser. PhD in Philosophy, Associate Professor at the Socio-Philosophical Faculty of the Institute of the Human Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Lecturer at the Faculty of Sociology, Chair of the Master Program in Political Philosophy and Social Theory of the Moscow School of Social and Economic Sciences.

Address: 82 Vernadskogo Blvd,
119571 Moscow, Russia.
E-mail: tianavaizer@yandex.ru.

Keywords: public communication; auditory attention; political listening; auditory democracy.

Auditory democracy is a relatively new western political philosophical concept which is not yet known in Russia. The concept implies a shift from the subject of public speech to our ability to listen to each other. Listening is understood here not as a physical sensory capacity of the human organism, but as political practice and virtue. Whether or not we acknowledge our opponents as equal subjects of interaction depends on our predisposition to listen or not to listen to

them. Our unwillingness to listen to each other is regarded as one of the most effective ways to exclude our interlocutor from the discourse and to uphold social and political injustice.

John Dryzek, one of the theoreticians of auditory democracy, argues that “the most effective and insidious way to silence others in politics is a refusal to listen.” On the contrary, auditory attention attests acknowledgment and respect towards opponents regardless of substantial differences and motivates them to speak. The thematic set introduced by this article includes texts of British researchers who work with the concept of auditory democracy and similar fields. The authors show that listening as a value of political life and communicative skill has not garnered much academic or political attention. At the same time, the institutional development of listening practices could help contemporary society to be more inclusive and to better articulate differences. This article focuses on the central question of how listening could become one of the principles in constituting a new political community.

References

Arendt H. *Vita activa, ili O deiatel'noi zhizni* [The Human Condition], Saint Petersburg, Aleteia, 2000.

Aristotle. *Politika* [Politics]. *Soch.:* V 4 t.

T. 4 [Works: In 4 vols. Vol. 4], Moscow, Mysl', 1983, pp. 375–644.

Barber B. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*, Berkley,

- University of California Press, 1984.
- Beall M., Gill-Rosier J., Tate J., Matten A. State of the Context: Listening in Education. *International Journal of Listening*, 2008, Vol. 22, no. 2, pp. 123–132.
- Beatty J. Good Listening. *Educational Theory*, 1999, Vol. 49, no. 3, pp. 281–298.
- Bickford S. *The Dissonance of Democracy: Listening, Conflict and Citizenship*, Ithaca, Cornell University Press, 1996.
- Black L. W., Wiederhold A. Discursive Strategies of Civil Disagreement in Public Dialogue Groups. *Journal of Applied Communication Research*, 2014, Vol. 42, no. 3, pp. 285–306.
- Bohman J. Decentering Democracy: Inclusion and Transformation in Complex Societies. *The Good Society*, 2004, Vol. 13, no. 2, pp. 49–55.
- Boyte H. *Commonwealth: A Return to Citizen Politics*, New York, Free Press, 1989.
- Buchan B. Listening for Noise in Political Thought. *Cultural Studies Review*, 2012, Vol. 18, no. 3, pp. 36–66.
- Caruth C. *Listening to Trauma: Conversations with Leaders in the Theory and Treatment of Catastrophic Experience*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2014.
- Caruth C. *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1996.
- Cohen J., Rogers J. *On Democracy*, New York, Penguin Books, 1983.
- Coles R. Moving Democracy: Industrial Areas Foundation Social Movements and the Political Arts of Listening, Traveling, and Tabling. *Political Theory*, 2004, Vol. 32, no. 5, pp. 678–705.
- Couldry N. *Listening Beyond the Echoes*, Colorado, Paradigm Publishers, 2006.
- Couldry N. Rethinking the Politics of Voice. *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*. 2009, Vol. 23, no. 4, pp. 579–582.
- Dewey J. Creative Democracy — The Task Before Us. *The Political Writings*, Indianapolis, Hackett Publishing Company, Inc., 1993, pp. 240–246.
- Dobson A. *Listening for Democracy. Recognition, Representation, Reconciliation*, Oxford, New York, Oxford University Press, 2014.
- Doerr N. The Disciplining of Dissent and the Role of Empathetic Listeners in Deliberative Publics: A Ritual Perspective. *Globalizations*, 2011, Vol. 8, no. 4, pp. 519–534.
- Dreher T. Listening Across Difference: Media and Multiculturalism Beyond the Politics of Voice. *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*, 2009, Vol. 23, no. 4, pp. 445–458.
- Dryzek J. *Deliberative Democracy and Beyond*, Oxford, Oxford University Press, 2000.
- Evans S. M., Boyte H. C. *Free Spaces*, New York, Harper and Row, 1986.
- Fiumara G. C. *The Other Side of Language: A Philosophy of Listening*, London, New York, Routledge, 1990.
- Forester J. *Planning in the Face of Power*, Berkeley, University of California Press, 1989.
- Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*, 1990, no. 25/26, pp. 56–80.
- Fricker M. *Epistemic Injustice: Power and Ethics of Knowing*, Oxford, New York, Oxford University Press, 2006.
- Garrison J. A Deweyan Theory of Democratic Listening. *Educational Theory*, 1996, Vol. 46, no. 4, pp. 429–452.
- Garrison J. Compassionate, Spiritual, and Creative Listening in Teaching and Learning. *Teachers College Record*, 2010, Vol. 112, no. 11, pp. 2763–2776.
- Goggin G. Disability and the Ethics of Listening. *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*, 2009, Vol. 23, no. 4, pp. 489–502.
- Habermas J. *Dialektika sekularizatsii* [Dialektik der Sakularisierung], Moscow, Bibleiskii Bogoslovskii Institut Sv. Apostola Andreia, 2006.
- Hansen D. Horizons of Listening. *Philosophy of Education* (ed. K. Aston),

- Urbana, IL, Philosophy of Education Society, 2003, pp. 22–25.
- Husband C. Between Listening and Understanding. *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*, 2009, Vol. 23, no. 4, pp. 441–443.
- Kleinberg-Levin D. M. *The Listening Self: Personal Growth, Social Change, and the Closure of Metaphysics*, London, New York, Routledge, 1989.
- Kurth-Schai R., Green C. R. Conversation, Composition, and Courage: Re-Envisioning Technologies for Education and Democracy. *Educational Studies*, 2000, Vol. 31, iss. 1, pp. 19–32.
- Lacey K. *Listening Publics: the Politics and Experience of Listening in the Media Age*, Cambridge, UK, Polity, 2013.
- Lam M. S. The Gentle Art of Listening: Skills for Developing Family–Administrator Relationships in Early Childhood. *Early Childhood Education Journal*, 2000, Vol. 47, no. 4, pp. 267–274.
- Laverty M. Can You Hear Me Now? Jean-Jacques Rousseau on Listening Education. *Educational Theory*, 2011, Vol. 61, no. 2, pp. 155–169.
- Lipari L. *Listening, Thinking, Being: Toward an Ethics of Attunement*, University Park, PA, The Pennsylvania State University Press, 2014.
- MacIntyre A. *Whose Justice? Which Rationality?* Indiana, Notre Dame, University of Notre Dame, 2008.
- Mansbridge J. Feminism and Democracy. *The American Prospect*, 1990, no. 1.
- McCarthy T. Legitimacy and Diversity: Dialectical Reflections on Analytical Distinctions. *Cardozo Law Review*, 1996, Vol. 17, no. 4–5, pp. 1083–1127.
- Morgan-Olsen B. A Duty to Listen: Epistemic Obligations and Public Deliberation. *Social Theory and Practice*, 2013, Vol. 39, no. 2, pp. 185–212.
- Mouffe Ch. *Prostranstva publichnoi polemiki, demokraticheskaia politika i dinamika nastroenii* [Spaces of Public Debate, Politics of Democracy and Dynamics of Attitudes]. Available at: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/.
- Nancy J.-L. *On Listening*, New York, Fordham University Press, 2007.
- Noddings N. Why Should We Listen? *Philosophy of Education* (ed. K. Aston), Urbana, IL, Philosophy of Education Society, 2003, pp. 19–21.
- Pateman C. *Participation and Democratic Theory*, Cambridge, Cambridge University Press, 1970.
- Rehg W. *Insight and Solidarity. A Study in the Discourse Ethics of Jürgen Habermas*, Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1994.
- Rice S. Moral Perception, Situatedness and Learning to Listen. *Learning Inquiry*, 2007, Vol. 1, pp. 107–113.
- Rice S. Toward an Aristotelian Conception of Good Listening. *Educational Theory*, 2011, Vol. 61, no. 2, pp. 41–53.
- Rice S., Burbules N. Listening: a Virtue Account. *Teachers College Record*, 2010, Vol. 112, no. 11, pp. 2728–2742.
- Schmitt C. Poniatie politicheskogo [Der Begriff des Politischen]. *Voprosy sotsiologii* [Issues of Sociology], 1992, no. 1, pp. 37–67.
- Schultz K. *Listening: A Framework for Teaching Across Differences*, New York, London, Columbia University Press, 2003.
- Van Dijk T. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in the Language and Communication], Moscow, Knizhnyi dom “Librokom”, 2014.
- Waks L. J. John Dewey on Listening and Friendship in School and Society. *Educational Theory*, 2011, Vol. 61, no. 2, pp. 191–205.
- Waks L. J. Two Types of Interpersonal Listening. *Teachers College Record*, 2010, Vol. 112, no. 11, pp. 2743–2762.
- Weiser T. Egotstentriзм i intersub'ektivnost' vo vzaimootnosheniakh cheloveka i okruzhaiushchei sredy [Egocentrism and Intersubjectivity in Human Beings' Relationship with the

- Environment]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 1 (97), pp. 171–186.
- Wolvin A., Oakley C. G. *Listening*, Madison, WI, Brown & Benchmark Publishers, 1996.
- Young I. M. *Inclusion and Democracy*, Oxford, New York, Oxford University Press, 2000.
- Young I. M. Justice and Communicative Democracy. *Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics* (ed. R. S. Gottlieb), Philadelphia, Temple University Press, 1993, pp. 123–142.
- Zolo D. *Demokratiia i slozhnost' . Realisticheskii podkhod* [Democracy and Complexity. A Realist Approach], Moscow, HSE, 2010.